

УДК 94(47).084:[262.4+2-674.5]

ПОВЕДЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ И АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. Сипейкин

Тверской государственной университет,
кафедра отечественной истории

В статье представлены стратегии поведения православного населения в постреволюционной России: активное отстаивание интересов Церкви, диалог с властями, защита верующими своих интересов правовыми средствами.

Ключевые слова: модели поведения верующих, Поместный собор, советская антирелигиозная политика.

Основной тезис значительного числа работ по истории русской православной церкви, опубликованных в России в 1990-е гг., состоит в утверждении аполитичности православного духовенства¹ в период становления советской власти. В принципе он вполне сопоставим с представлениями, характерными для сторонников так называемого «тоталитарного подхода», в рамках которого советское государство предстаёт всемогущим субъектом истории, изменяющим ход развития общества, создающим и уничтожающим классы, контролирующим поведение подданных. Верующие и духовенство в данном случае выступают пассивными жертвами политического режима. Между тем, по справедливому замечанию Дж. Кипа, термин «тоталитаризм» с большими оговорками применим при описании реального контроля над обществом. В качестве примера Кип приводит сохранение религии и существование «катакомбных церквей»². В этой связи не удивительно, что в последнее время как западные, так и российские историки пытаются воссоздать процесс развития взаимоотношений между верующими и советским государством с гораздо большей точностью, изучая стратегии выживания и сопротивления атеистической политике. Этот подход предполагает исследование событий церковно-государственных отношений с учётом массовых настроений.

Действия, которые воспринимались советской властью как контрреволюционные, не исчерпывают существа проблемы. По мнению Уильяма Б. Хасбэнда, оппозиция снизу принимала различные формы. Естественно, верующие прибегали к насилию и террору, они же «использовали совет-

¹ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43, 47; *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическая подчинение духовенства. М., 1997. С. 11; *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995. С. 20–21.

² *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009. С.24–25.

ские законы, государственную политику и бюрократические процедуры для своих собственных целей». Наконец, когда открытое сопротивление не достигало своих целей, «верующие полагались на стратегии, основанные на обмане»³.

Российский исследователь А. Беглов доказывает, что «главным и естественным способом сохранения церковной жизни» в советский период стало церковное подполье. Основными стратегиями поведения членов церковного подполья, по его мнению, были «конформистская» и «изоляционистская» позиции. Первая предполагала погружение верующих в окружающую среду, вторая означала размежевание с окружающим миром и «питалась настроениями антисоветского эсхатологизма»⁴. Разумеется, данные стратегии выделены с известной степенью условности. Кроме того, применение термина «стратегии поведения» по отношению к верующим может встретить возражения.

Что означает выражение «стратегия поведения верующих»? Представляется, оно недостаточно точно в том смысле, что верующие, наряду с другими гражданами, придерживались различных стратегий, неспецифичных для них как для верующих. В последнее время появляются исследования, посвящённые анализу жизненных стратегий «бывших», используемых в процессе их интеграции в советское общество. В качестве одной из таких стратегий выступало «сокрытие идентичности»⁵. Возможно, по аналогии с термином «стратегии сокрытия идентичности» детьми священников, уместнее было бы говорить не о «стратегии поведения верующих», а о стратегии сохранения верующими своей идентичности. При этом следует учитывать точку зрения Ш. Фицпатрик, согласно которой причиной возмущений крестьянства по поводу антирелигиозной политики была не их приверженность к православной церкви, а то, что это была «самая надёжная почва для сопротивления коммунистам»⁶. Если согласиться с данным тезисом, окажется, что «стратегия сопротивления» антирелигиозной и антицерковной политике не является в полном смысле «стратегией поведения верующих» или «стратегией сохранения верующими своей идентичности», поскольку под религиозными лозунгами скрываются совершенно иные, в т. ч. материальные, интересы. Совершенно различные мотивы могли руководить и теми, кто выступал против Церкви. В этой связи вспоминается мысль члена Поместного Собора 1917–1918 гг. В. Г. Рубцова: нельзя рассматривать вместе вопросы об антицерковном поведении, имеющем со-

³ *Husband W. B.* Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. №1. P.77–78.

⁴ *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 99–100.

⁵ *Рябченко О. Л.* Дети священников в вузах советской Украины в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. IX междунар. науч. конф. (Иваново, 10–11 февраля 2010 г.): в 2 ч. Иваново, 2010. Ч. 1. С. 315.

⁶ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 61.

вершенно различные причины, нельзя смешивать святотатцев и простых крестьян, «увлѣкшихся современными земельными переделами»⁷.

Во-вторых, термин «стратегия» предполагает рациональный выбор того или иного плана действий на длительный период. Однако в условиях необходимости жить и отстаивать право на исповедание веры, столь долгосрочные планы теряли актуальность после очередного «крутого поворота» центральной партийной советской политики. Нередко создавались условия, когда требовалось принимать судьбоносные решения при остром дефиците времени и поведение верующих начинало определяться отнюдь не каноническими предписаниями. Ими овладевали эмоции и как показывают документы, результаты оказывались зачастую печальными⁸. Настроения верующих в рассматриваемый период тем более не отличались устойчивостью. Как с горечью отмечал участник Поместного собора 1917–1918 гг. П. И. Астров, «теперь ни за что ручаться нельзя – даже за себя самого. Ныне человек идёт за крестным ходом, а завтра тот же самый идёт расстреливать ход»⁹.

Представляется, что картина происходивших событий станет ещё более точной, если наряду с исследованием процесса выработки верующими различных стратегий поведения будет проанализирован весь спектр их реакций на действия власти. Очевидно, что более уместным было бы употребление другого термина – «модели» (patterns) поведения, используемого У. Хасбэндом наряду с термином «стратегии» применительно к тем же явлениям¹⁰. Следует отметить, однако, что две эти категории отнюдь не являются взаимозаменяемыми. Соответственно о «стратегиях» мы будем говорить в связи с обсуждением представителями Церкви тех или иных вариантов развития событий и возможных реакций на них. При изучении реальных поведенческих практик будет употребляться термин «модели поведения».

Исследовать весь спектр сложившихся мнений позволяют материалы Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Однако необходимость выработки стратегии противодействия мероприятиям атеистов была осознана большинством членов собора далеко не сразу. Многие «соборяне» не верили, что большевики долго продержатся у власти и нет необходимости в долговременном плане сопротивления отпадает. Заблуждение становилось очевидным по мере того, как начинали реализовываться положения большевистской программы. Как явствует из определения архиепископа Тверского Серафима Тверскому епархиальному совету от 7 апреля 1918 г., Декрет об отделении церкви от государства рассматривался членами

⁷ Деяния священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 9. С. 115.

⁸ В качестве примера можно привести т. н. «Вознесенское восстание» в г. Осташкове в феврале 1918 г. и события в Вышневолоцком уезде в марте того же года. (см.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 4. Д. 383. Л. 186–189; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 360. Т. 1–2; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1378. Л. 127–128; Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 28. Л. 3, 8 об.

⁹ Деяния священного собора. Т. 9. С. 35.

¹⁰ Husband W. B. Op. cit. P. 107.

Поместного собора как «наскоро составленный» и подлежащий пересмотру. Причём предполагалось, что в комиссию по пересмотру войдут представители Собора и Синода. Архиепископ выражал уверенность в том, что данной комиссией будет пересмотрено решение о запрете религиозным общинам владения имуществом. В связи с этим настоятелям монастырей предписывалось разрешать советским чиновникам производить осмотр церковных владений, «но отнюдь не отдавать на руки – ни капиталов, ни банковых квитанций и книжек, ни планов, никаких вещей и призывать на охрану имущества ближайшее население и постоянных богомольцев»¹¹.

Для многих моментом истины стала публикация в августе 1918 г. инструкции, разъясняющая Декрет об отделении церкви от государства. Епископ Охтенский Симон говорил по этому поводу: «Может быть, и большевики будут править ещё 10 лет. Несомненно одно, что мы вступаем в период гонений и надо выработать план организации церковного имущества при новых условиях существования Церкви»¹². Именно на заседаниях собора весной и летом 1918 г. были чётко сформулированы основные подходы к решению вставших перед Церковью проблем.

Сложившееся положение не могло не вызвать бурной реакции у представителей Православной российской церкви, что подтверждается деяниями Поместного собора 1917–1918 гг. Оно расценивалось как гонения и была создана комиссия с соответствующим названием. Временем начала гонений соборяне называли момент вступления в должность обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова. Смысл Декрета об отделении церкви от государства митрополит Новгородский Арсений видел в том, что уничтожается «Церковь в её земном проявлении». В качестве гонителей назывались не только большевики, но и все «давнишние враги Церкви, которые давно хотели обрушиться на неё». В их числе оказались солдаты, матросы, крестьяне, сектанты, раскольники, татары, украинские националисты. Член соборной Комиссии протоиерей П. Н. Лахотский задавался вопросом: «А народ то наш православный, верующий, богоносец... как этот народ очутился во многих местах среди самых ярых гонителей?» Объяснение сему он находил в еврейском влиянии. В качестве спасительного средства П. Н. Лахотский предлагал разоблачение этого зловредного влияния¹³.

Другой член комиссии, Г. И. Булгаков выражался более точно: народ «нужно оповестить о всех случаях гонений и организовать на защиту Церкви». При приходах рекомендовалось создавать «Братства защиты Церкви». При Патриаршем престоле рекомендовалось создать общероссийский орган, который бы «объединял все местные силы и направлял их деятельность к защите Церкви». Собором было принято соответствующее решение о создании при храмах и монастырях «Братств защиты Церкви» и учреждении Все-

¹¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1381. Л. 11.

¹² Деяния священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 11. С. 78.

¹³ Там же. Т. 9. С. 3, 8–9; М., 2000. Т. 10. С. 165–166; Т. 11. С. 25.

российского Совета приходских общин¹⁴. Но среди соборян были разные точки зрения о механизмах организации и средствах борьбы.

Так, призыв протоиерея П. Н. Лахотского разоблачать евреев не соответствовал точке зрения другого члена Поместного собора, священника А. Р. Пономарёва. Он указывал, что виноваты не только евреи, но и многие русские. Священник призывал не допускать еврейских погромов. Он напоминал, что «гонимые всегда пользовались расположением широких народных масс». Поэтому «пусть же Собор и Церковь будут лучше гонимыми, а не гонителями». Более того, происходящее воспринималось Пономарёвым как возврат к естественному для Церкви положению вещей, как начало её возрождения и оздоровления: «Она становится, наконец, на свой путь, на крестный путь, по которому шла всегда, но на некоторое печальное время была как бы запрятана за полицейское ограждение»¹⁵. Таким образом, мученичество во имя веры оценивалось в качестве модели поведения, в наибольшей степени соответствующей христианскому образу жизни. При этом А. Р. Пономарёв ссылался не только на евангельские примеры, но и на уже имевшие место случаи мученической гибели представителей духовенства в Советской России.

Ещё более решительным сторонником ориентации на мученичество выступил митрополит Новгородский Арсений, по мнению которого, «пришло время подвига, исповедничества и мученичества». Он считал, что необходимо «показать на деле, что мы христиане» и показать пример народу, который «безмолвствует» и «не сказал, что он носитель православия, что оно ему дорого». «Быть может, когда мы покажем пример, он пойдёт за нами и поймёт, что это его вера является гонимой, а не вера попов, что он должен защищать её»¹⁶.

Однако не всегда можно говорить о «мученичестве» как о некоей отдельной стратегии поведения верующих. Член Поместного собора, протоиерей Ф. Д. Филоненко, выступая против панихиды по убиенному Николаю II, отмечал, что она поставит организаторов «в очень острое отношение к властям»: «Я признаю, конечно, что Церковь должна идти на мученичество, когда это необходимо, но вызывать это мученичество намеренно Церковь не должна»¹⁷. Таким образом, мученичество, не выступает как самоцель, как результат спланированных действий, хотя и соответствует христианским представлениям о должном поведении.

Кроме того, к мученической кончине могли привести и иные линии поведения. Полная лояльность к власти не всегда спасала тех, кто был виноват уже тем, что принадлежал к «буржуазии». «Социальная хирургия» большевиков предполагала, что представители эксплуататорских классов, в том числе и попы, подлежали «удалению». В данном случае следует говорить не о «стратегии мученичества», а об активном отстаивании интересов

¹⁴ Деяния священного собора. Т. 9. С. 12, 30.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Там же. Т. 11. С. 26–27.

¹⁷ Там же. Т. 9. С. 148.

церкви. На языке большевиков это называлась «церковной контрреволюцией», участие в которой следовало сурово каралось.

Документы показывают, что представители местной власти охотно использовали желание крестьян воспользоваться причтовыми и монастырскими землями для того, чтобы нанести очередной удар по «контрреволюционному духовенству». Так, в июне 1918 г. в одном из советов крестьянских депутатов Тверской губернии явным неподчинением власти был признан отказ священника выдать документы на церковные земли. Решение причта созвать приходское собрание для решения вопроса о причтовых землях местные власти признали «действиями контрреволюционного направления, т. к. в случае осуществления приходского собрания. Священник Гр. Плиткин был оштрафован на 2 тыс. руб., остальные на 1,5 тыс. и на 50 руб. в зависимости от «чина». Объяснение суммы штрафа было изложено языком героев Платонова: «... неравномерное распределение штрафа мотивируется на основании революционной совести по различной степени их взаимного подстрекательства». Дьякону было решено объявить строжайший выговор и «внушить, что беднейшей пролетарии церкви не надо идти за святыми буржуями г.г. Плиткиным и Пановым»¹⁸.

В начале 1918 г. в Тверской епархии священников штрафовали даже за чтение в церкви посланий Поместного собора и патриарха, которые местные власти признавали контрреволюционными. Однако нередко прихожане заступались за своих пастырей: помогали выплатить штраф, защищали от милиционеров¹⁹. Так, в июле 1918 г. крестьяне вступились за священника погоста Николо-Ситка Г. Михайловского, назвавшего местного советского чиновника лжецом и тем самым оскорбившего в его лице «товарищей Ленина и Троцкого». В петициях крестьяне отмечали, что священник «первый в уезде открыл кредитное товарищество», «по его инициативе введено племенное скотоводство, травосеяние и удобрение для всех урожаев хлеба», «он же содействовал открыть общество Потребителей». Г. Михайловский характеризовался ими как «примерный гражданин, пекущийся о благе народном», которому чужды контрреволюционные настроения. Когда прибывший для разбирательства помощник комиссара внутренних дел Г. Васильев арестовал крестьян, поддержавших священника, они тут же провозгласили его «исправником старого Николаевского режима». По свидетельству крестьян, он придирался «ко всем и каждому», произвольно налагал штрафы и угрожал им расстрелом²⁰.

В случаях, когда представители власти врывались в монастыри с целью установить «правильный» порядок использования недвижимого церковного имущества (и заодно прихватить приглянувшуюся движимость), местные жители отзывались на призыв набатного колокола, вступали в пререкания с «кошунниками» и защищали святыни. Не удивительно, что советские работники предпочитали осуществлять свои действия ночью, что

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1381. Л. 101.

¹⁹ Там же. Д. 1378. Л. 1–4, 174.

²⁰ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1381. Л. 333–370.

в глазах многих верующих делало их похожими на грабителей и приводило к ещё большему недовольству. Эмоциональное напряжение нагнетали стрельба по звонящим в колокол монахиням, их избиение и аресты²¹.

Таким образом, далеко не все прихожане проявляли равнодушие к церковным делам и были готовы как к законным, так и насильственным методам борьбы. То, куда будет направлена энергия их возмущения, во многом зависело от установок, которые давались представителями духовенства. Далеко не все члены Поместного собора были столь же осторожны в своих призывах. Б. В. Титлинов в связи с вопросом о панихиде в память о казнённом императоре оказался в числе призвавших «заклеймить это преступление соответствующим словом»²². Профессор И. М. Громогласов считал, что представителям Церкви при обращении к советской власти «делать заявление нужно твёрдо, в форме категорической». По мнению священника М. Ф. Марина, «чем резче обратиться к советской власти, тем лучше». А. В. Васильев говорил, что участники Собора должны говорить с советской властью по вопросу об отчуждении церковных имуществ «не языком просьб, а языком силы». Правда, первоначально военную силу власти он противопоставлял нравственной силе Церкви. Однако впоследствии, после издания в августе 1918 г. инструкции, конкретизировавшей положения Декрета об отделении церкви от государства, А. В. Васильев высказался в пользу призывов к пастве защищать святыни с помощью физической силы: «Кто не употребляет силы, когда это необходимо, тот может стать попутчиком и соучастником зла». По его мнению, «настало время сейчас сказать, что держатели современной власти, как неверы и богоотступники, не могут править православным народом». Соответственно следовало призвать последний «к отстаиванию того, что ему дорого, не только словами, но и действием»²³.

Архимандрит Матфей в качестве примера для подражания приводил поведение населения Петрограда, отстоявшего Александро-Невскую Лавру: «... пусть православное население Москвы станет на страже, и в случае, если будут оспаривать права Церкви, Москва должна оберечь их вместе со святынями»²⁴. Словом, активная защита церковных святынь, прежде чем быть сформулированной на Соборе в качестве рекомендуемой стратегии поведения, сформировалась стихийно.

В любом случае, являлось ли мученичество результатом открытого вызова безбожной власти или результатом «стояния в вере», не связанного ни с какими насильственными действиями, священникам предстояло готовиться если не к мученической кончине, то к лишениям. По словам члена Поместного собора П. А. Мартова, «нужны деятели, ничем не связанные, готовые и на костёр и на пытку». В связи с этим он призывал отменить обязательное безбрачное состояние для священников, поскольку «если заботы

²¹ ГАТО. Д. 1378. Л. 118–119, 180–180 об, 227–228, 267–268, 273–274.

²² Деяния священного собора. Т. 9. С. 150.

²³ Там же. Т. 10. С. 205–206; Т. 11. С. 27, 30, 49–50.

²⁴ Там же. Т. 9. С. 23.

о содержании семьи всегда были источником больших тревог и скорбных переживаний для русского священнослужителя, то в настоящие дни они получили особенно трагический характер». Изменившиеся условия приводили к тому, что «духовное сословие на наших глазах как бы вырождается, ряды его редеют»²⁵. Сознательно идти обострение отношений с властью, было бы для Церкви самоубийственным. Вполне естественно, что данная точка зрения не стала на Соборе общепризнанной²⁶.

Разделяя мнение о недопустимости выступлений со стороны Собора по поводу расстрела Николая II, представитель Тверской епархии В. Г. Рубцов говорил: епархия «меня сюда послала не для того, чтобы производить политические демонстрации». Священник А. Попов по поводу этого же события напомнил, что в настоящее время поднялась «волна восстания против... языческой власти», и заявлял, что Поместный собор «должен осудить всякое убийство, как носитель закона Христова: “вземши меч мечем погибнут”». Однако в августе 1918 г., после издания упомянутой выше инструкции, тот же священник А. Попов заявил о необходимости «призвать народ к тому, чтобы он восстал против декрета, поддержал храмы и защитил Святую Церковь»²⁷.

Надо отметить, что даже столь крайние меры отстаивания интересов Церкви не означали отказа от принципа аполитичности. Член собора П. Н. Сперанский заявлял: «... мы не выступаем против Советской власти как таковой, так как пусть сам народ решает, какая ему нужна власть для его управления, но самым решительным образом высказываемся против дел этой власти, воздвигающей гонения на Церковь»²⁸.

Другой, менее радикальной, формой борьбы с безбожной властью стало отстаивание интересов церкви с помощью ненасильственных мер – жалоб в вышестоящие органы власти на незаконные действия местных чиновников, петиции, протесты, сбор подписей прихожан. На Поместном соборе 1917–1918 гг. нашлось немало сторонников именно этой стратегии: А. П. Зверев предлагал даже вменять «в священную обязанность каждому православному христианину письменно протестовать против декрета об отделении Церкви от государства и осудить тех, кто принимает участие в гонении на Церковь и её священнослужителей»²⁹, что нашло отражение в деятельности Братств прихожан при храмах и монастырях в 1918 г.³⁰. Считалось необходимым объяснить народу истинный смысл декретов советской власти, вызвать тем самым народное возмущение и предотвратить разрушение церквей. Но при этом соборяне оговаривались, что всенарод-

²⁵ Деяния священного собора. Т. 9. С. 171–173.

²⁶ Епископ Старицкий Серафим так сформулировал своё мнение по данному вопросу: «Тянуть духовенство на путь мученичества было бы и неправильно, и неразумно, да и едва ли оно на это откликнется» /см.: Деяния священного собора. Т. 11. С. 46, 133.

²⁷ Деяния священного собора. Т. 9. С. 199–200; Т. 11. С. 30.

²⁸ Там же. Т. 11. С. 72.

²⁹ Там же. Т. 9. С. 34.

³⁰ Деяния священного собора. Т. 9. С. 127.

ный протест будет носить «нравственный» характер, проявляясь в ненасильственных формах³¹.

Деятельность по отстаиванию правовых интересов православной российской церкви во многом связана с именем члена Поместного собора Н. Д. Кузнецова, также выступавшего против политических заявлений, приводящих к обострению отношений с властью³².

Одной из предлагавшейся участниками Поместного собора форм борьбы за права Церкви стала апелляция к международному мнению. Член Собора Н. М. Миклашевский предлагал обратиться к правительствам христианских государств с призывом осудить гонения на Церковь³³. Другим (отвергнутым Собором) способом реакции на политику власти было наложение интердикта³⁴.

Какой бы путь ни считали наиболее приемлемым члены Собора, все осознавали, что ключевую роль в воздействии на верующих должны были играть представители духовенства на местах. «Народ молчит, потому что ждёт нашей инициативы», – утверждал протоиерей В. А. Синцов³⁵. Как показывают материалы, позиция архиереев и священников помогала верующим выбрать модель поведения. В упомянутом выше определении Тверского архиепископа Серафима от 7 апреля предписывалось «в случаях насильственного отобрания вещей и имущества» официальными лицами «призывать свидетелей, составлять акты и требовать расписки от захватывающих монастырское имущество», и лишь «при насилии со стороны частных лиц не принадлежащих к местной власти», следовало «ударять в набат и сзывать население на помощь». Архиепископ призывал «всех монашествующих и мирян на послушаниях терпеливо и молитвенно переносить воздвигнутое на Церковь гонение продолжая свою работу», и особо напоминал о необходимости соблюдать «между собою любовь и единение». «Более слабых, болезненных и малодушных членов монашеской общины» допускалось отпускать в родные семьи³⁶. Можно предположить, что его позиция способствовала сокращению количества открытых конфликтов на почве проведения антирелигиозной и антицерковной политики. Самые известные из них («Преображенское восстание» в уездном городе Осташкове и волнения в Вышневолоцком уезде) произошли до рассылки упомянутого документа и могли стать причиной появления призывов к терпению.

Между тем насильственные формы защиты церковных интересов представителями советской власти объяснялись трусостью попов. Из описания поведения священника Флоренцева при вскрытии мощей³⁷ следует, что священники под «предлогом» служения молебнов задержали толпу

³¹ Там же. Т. 10. С. 202–204.

³² Там же. Т. 9. С. 174–176, 201–202; Т. 10. С. 208–209, 236; Т. 11. С. 50.

³³ Там же. Т. 10. С. 204.

³⁴ Там же. Т. 11. С. 42–50, 56, 59, 70.

³⁵ Там же. Т. 11. С. 48.

³⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1381. Л. 11–12.

³⁷ Ильич А. Около мощей // Известия Тверского губернского исполнительного комитета. 1919 г. 24 мая.

«нафанатизированных» молящихся до начала акции. Священник Флоренцев «без всякой надобности» вышел в облачении на паперть и предложил присутствовавшим снять шапки и пропеть «Иисус Воскресе». Автор статьи увидел в этом злой умысел – бросить «два–три зажигательных слова» и добиться разгрома организаторов вскрытия. Тем не менее, как считает А. Ильич, смелости для столь решительного шага у Флоренцева не хватило. Разумеется, священнику не хотелось становиться вождем толпы.

В феврале 1918 г. в случае менее серьезного оскорбления чувств верующих произошли волнения в Осташкове, вспыхнувшие без всякого участия священников. Можно предположить, что если бы Флоренцев действительно имел расчёт вдохновить тверичан на решительные действия, то он наверняка бы оправдался. Но «зажигательные слова» сказаны не были. И достаточных оснований считать, что Флоренцев стремился инспирировать кровопролитие, нет. Тенденциозность источника не подлежит сомнению³⁸.

В целом, судя по высказываниям участников Поместного собора, наиболее подходящим для представителей духовенства казалось активное отстаивание интересов Церкви ненасильственными методами. Но говорить о какой-то одной стратегии, как одобренной общероссийским собранием духовенства, нельзя. Н. Д. Кузнецов отмечал, что «многие сравнивают нынешнее положение Церкви с временами гонений на неё со стороны древнего Римского государства». В этой связи он напоминал, что «тогдашние христиане поступали в разных случаях так, как им подсказывали их долг и совесть». Поэтому, по мнению Н. Д. Кузнецова, «издавать какие-либо общие для всей России правила в наше время анархии и распада государства невозможно». Он полагал также, что правила должен выработать «на местах сам православный народ вместе со своими пастырями под руководством епархиального епископа»³⁹. Епископ Старицкий Серафим даже ссылаясь на точку зрения, согласно которой «в трудные для Церкви времена люди, стоящие за букву канонов, – враги Христа, враги Церкви». Тем самым он указывал на необходимость гибкости в их отношениях с безбожной властью и порицал тех, кто заново освящает храм после появления в нем чиновников-атеистов⁴⁰.

Однако можно чётко выделить линии поведения верующих и священнослужителей, которые однозначно осуждались членами Поместного собора. Так, член Собора В. В. Богданович осудил насильственные формы сопротивления власти, как не соответствующие евангельскому духу, но отметил, что пассивность в вопросе о сдаче государству церковного имущества также недопустима и равнозначна предательству. В качестве альтернативы он предлагал неисполнение распоряжений власти, сокрытие святынь и т. д. По мнению Богдановича, скорбь по поводу уничтожения храмов не должна побуждать к вооружённой борьбе. Более того, он видел в столь печальном факте глубокий религиозный смысл: «Может быть, в пу-

³⁸ Известия Тверского губернского исполнительного комитета. 1919. 24 мая.

³⁹ Деяния священного собора. Т. 10. С. 210; Т. 11. С. 51.

⁴⁰ Там же. Т. 11. С. 79.

тях Промысла и нужно, чтобы мы лишились храмов и святынь, это нам наказание за заботы о внешности, а не о пробуждении церковного духа... И если мы потеряем эту внешность, то в путях Промысла Божия, может быть, это будет иметь великое значение, потому что народ оживёт, хотя и потеряет имущество при его захвате»⁴¹.

Но нередко отказ от борьбы был обусловлен инстинктом самосохранения: «Страх и трепет господствуют на местах», – сокрушался один из современников событий⁴². Молчание духовенства оборачивалось пассивностью прихожан. В этой связи протоиерей Э. И. Бекаревич весной 1918 г. задавался вопросом: «Как организовать народ церковный, как объединить духовенство так, чтобы Церковь явилась крупной и мощной организацией? Ведь провинция ещё спит доселе. Многие священники даже не понимают, зачем нужна организация и объединение». Для решения этой проблемы он предлагал дать соответствующие полномочия членам Поместного собора, по его мнению, могло пробудить церковную жизнь на местах⁴³.

Но часто причиной «народного безмолвия» был вовсе не дефицит информации. Например, сотрудники Московской синодальной типографии вовсе не сочувствовали её захвату, но не решались выступить с протестами, поскольку боялись оказаться без работы⁴⁴.

Случаи стихийных выступлений мотивировались по-разному. Порой прихожане отстаивали церковные интересы уже после «капитуляции» представителей духовенства. Н. Д. Кузнецов писал, что в Москве верующие одного из приходов с трудом добились отмены решения об открытии храма уже после «запретительного» решения епархиального совета⁴⁵. Но в целом подобные акции не могли повлиять на исход борьбы большевиков с православием. Как отмечал С. М. Раевский, «Церкви не так страшны и опасны старообрядчество, сектантство, инославие, как этот индифферентизм. Это самый страшный враг Церкви»⁴⁶. Впрочем, последнее было свойственно и священнослужителям⁴⁷. Не в этом ли залог успешности антирелигиозной и антицерковной политики большевиков?⁴⁸

На Соборе упоминались также случаи неканонического поведения представителей духовенства, способствовавшие усилению гонений. Служители церкви разных уровней вступали в союз с безбожной властью. Для иссле-

⁴¹ Деяния священного собора. Т. 11. С. 65–66.

⁴² Там же. Т. 9. С. 22–23.

⁴³ Там же. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. Т. 10. С. 214.

⁴⁶ Там же. Т. 11. С. 70.

⁴⁷ Там же. Т. 10. С. 92.

⁴⁸ Подробнее см.: *Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 279–299; *Её же.* Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 582–602; *Каиль М. В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и гражданской войны. Государственно-церковные отношения и внутриконтрессиональные процессы. М., 2010.

дования вопроса и выработки адекватных мер была даже создана «Комиссия о церковном большевизме»⁴⁹. Тверская епархия «отметилась» здесь дважды: священник Поведский состоял «в числе комиссаров у врагов православия» и вёл антицерковную политику, а монахи одного из монастырей «предложили игумении отказаться от власти и избрали свой совет»⁵⁰.

Таким образом, модели поведения православных России в постреволюционный период формировались стихийно. Делегаты Поместного собора оценивали те или иные практики с точки зрения возможности рекомендации их в качестве стратегий, достойных верующих. Прежде всего, это активное отстаивание интересов церкви, что по мере нарастания большевистской репрессивности оборачивалось насильственными действиями. Разумеется, подобная тактика признавалась далеко не всеми представителями духовенства. Но в ходе деятельности Поместного собора 1917–1918 гг. выработать общие «правил поведения» для всех православных так и не удалось.

Список литературы:

1. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
2. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8.
3. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009.
4. *Каиль М.В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и гражданской войны. Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М., 2010.
5. *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922 - 1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.
6. *Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир. 1905-1922 // Академик Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.
7. *Леонтьева Т. Г.* Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 582-602;
8. *Плаксин Р. Ю.* Тихоновщина и её крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. М., 1987.
9. *Рябченко О. Л.* Дети священников в вузах советской Украины в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. IX Междунар. науч. конф. (Иваново, 10–11 февраля 2010 г.): в 2 ч. Иваново, 2010. Ч. 1.
10. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

⁴⁹ Деяния священного собора. Т. 9. С. 10.

⁵⁰ Там же. С. 113.

11. *Шкаровский М. Ф.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995.
12. *Husband W. B.* Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. №1.

**BEHAVIOR OF BELIEVERS IN THE CONDITIONS OF
CARRYING OUT OF AN ANTIRELIGIOUS AND ANTICHURCH
POLICY**

A. V. Sipeykin

The Tver State University,
the chair of national history

The article is devoted to the strategies of behavior, used by Orthodox people in Russia after the October revolution: active assertion of Church interests, dialogue with Soviet power, defense of Church interests by legal measures.

Keywords: behavior of believers, Assembly of Russian Orthodox Church., Soviet antireligious policy.

Об авторе:

СИПЕЙКИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета.

SIPEYKIN Alexander V. – the Kandidat of History, the senior lecturer of Sub-Department of Russian history of the Tver State University.

E-mail: Sipeykin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2011